

А. Л. Церковский (г. Минск, Беларусь)

**ОБРАЗ А. С. ПУШКИНА В ПУБЛИКАЦИЯХ
ВИСКОНСИНСКОГО ЦЕНТРА ПУШКИНИСТИКИ**

Центр пушкинистики при Висконсинском университете в Мадисоне (*Wisconsin Center for Pushkin Studies, USA*) ведет активную деятельность по публикации исследований, посвящённых творчеству великого русского поэта, прозаика, драматурга Александра Сергеевича Пушкина. В Центре находится коллекция-библиотека, в настоящее время насчитывающая более 8000 каталогизированных журнальных статей, монографий и сборников статей о Пушкине, а также изданий и переводов книг.

Данная статья не претендует на полное описание публикаций Центра. Основной задачей нашего исследования мы видим привлечение внимания к работе Центров пушкинистики в США. Ниже мы остановимся на трех[1; 2; 3], по нашему мнению, характерных работах Центра и проанализируем основные тенденции, заданные пушкинистами, публикующими свои статьи в Висконсинском университете в Мадисоне. В качестве предмета исследования мы взяли специфику образа А. С. Пушкина в этих работах.

В 2006 году в университете вышло переиздание сборника статей под общим названием «Пушкинский справочник» (*The Pushkin Handbook, 1996*)[1]. Этот сборник исследований состоит из статей пушкинистов из бывшего Советского Союза, Северной Америки и других стран. Особенностью данной книги можно назвать *полифонию мнений* авторов о литературном наследии Пушкина.

В сборнике авторы размышляют о литературно-культурной значимости и статусе великого русского поэта («Пушкин как исторический мыслитель»

Д. М. Бетей, «Пушкинский миф в России» С. Сандлер), поэтике его произведений («Вопросы жанра и поэтики “Евгения Онегина”» Дж. Д. Клэйтона), его критических заметках («Пушкин как критик» К. Эмерсона), проблемах перевода его произведений («Пушкин и проблемы перевода» Л. Лейтона), о жанровой специфике и педагогической значимости его творчества («“Евгений Онегин” как главное произведение Пушкина в жанре романа воспитания» Л. О’белла), влиянии наследия Пушкина на развитие общества в XX веке («Пушкин и общество: перспективы после 1966 г.» У. М. Тодда), восприятии природы южной части Российской империи («Пушкин и Кавказ» Х. Рам)[1].

Эта книга является еще одним свидетельством непрекращающегося диалога о выдающемся Пушкине, образ которого в коллективной монографии можно охарактеризовать как *Пушкин-миротворец*.

Книга «Воплощая метафоры: Александр Пушкин и жизнь поэта» Д. Бетей (*Realizing Metaphors: Alexander Pushkin and the Life of the Poet, 1998*)[2] затрагивает вопрос, который является одним из самых захватывающих и противоречивых в области литературоведения – насколько жизнь художника обусловлена его творчеством. И наоборот. По своей природе – это вопрос «человек и искусство», и Бетей фокусирует свой исследовательский интерес именно на этой проблеме. Некоторые американские литературоведы (например, И. Рейфман) восприняли эту книгу как новое слово в пушкинистике, в частности, в вопросе методологии биографического описания творчества поэта.

Отдельно отметим обращение автора книги к работам влиятельных мыслителей – Фрейду, Блуму, Якобсону и Лотману. Рассуждая об их

интерпретациях творчества Пушкина, Бетея приходит к выводу, они не вполне корректно описывают психологию творчества Пушкина, оттого не могут критически точно описать «величие самой жизни поэта». В ходе чтения книги можно понять, кого нужно назвать, по мнению автора, самым «слепым» критиком Пушкина (Фрейда), а кого – самым «прозорливым» (Лотмана).

Д. Бетея предлагает свою собственную «универсальную модель» чтения пушкинских текстов и продолжает патетическое описание запутанных связей между Пушкиным и его великим соотечественником – поэтом Державиным. Бетея небезосновательно утверждает, что Пушкин продвинулся далеко вперед Державина в вопросе «актуализации искусства в жизни человека», что поэт быстро вышел из тени своего предшественника, создавая новый поэтический мир, и этот мир во многом определил последующее формирование русской литературной традиции.

Критик приходит к выводу, что Пушкин своими произведениями продолжает вести диалог с читателями нашего времени. Интересен пафос призыва автора книги к «осознанию красоты» мира по примеру Пушкина. Бетея убежден, что, познавая Пушкина не только разумом, но и сердцем, можно актуализировать «метафоры поэта» в жизни читателя, научиться у Пушкина любить жизнь, видеть красоту бытия.

Д. Бетея, таким образом, в своей работе создал образ *Пушкина-коуча, Пушкина-вдохновителя*.

Американский литературовед О. Хэсти в своей монографии «Пушкинская Татьяна» (*Pushkin's Tatiana, 1999*) [3] дает авторскую характеристику одному из самых обсуждаемых и противоречивых женских персонажей в русской литературе – Татьяне Лариной, стремится показать новый ракурс в восприятии героини.

Эта книга – значимое ревизионистское исследование одного из центральных текстов русского литературного канона – «Евгения Онегина». «Татьяноцентричный» подход О. Хэсти к «Евгению Онегину» оживляет привычное понимание героини Пушкина и всего романа. Автор исследования подчеркивает основные характеристики женского персонажа Пушкина: *элегантность и психологическая проницательность*, с которыми Татьяна способна реализовать жизнь или уничтожить ее.

Существует множество рецензий на эту книгу О. Хэсти. Так, Р. Джексон из Йельского университета пишет, что образ Татьяны в значительной степени был клишированным, но «Пушкинская Татьяна» О. Хэсти «...резко оживляет наше понимание этого <образа> и его глубокое соприкосновение с эстетической философией Пушкина» [4].

Уже упомянутый выше Д. Бетея полагает, что «О. Хэсти восхитительно приходит к задаче перечитать или, может быть, более точно прочесть в первый раз Татьяну» [4].

Американский пушкинист С. Сандлер высоко оценила это оригинальное исследование, посвященное анализу известной героини русской литературы: «Никто до Хэсти не связывал сексуальную энергию персонажа с творческой энергией автора, что, в свою очередь, проливает новый свет на творческий процесс написания “Евгения Онегина”» [4].

В исследовании О. Хэсти Татьяна Ларина предстаёт перед читателем как новая литературная, психологическая и культурная *функция*, которая воплощает именно те творческие интенции, к каким был склонен сам Пушкин. Автор

продолжает рассуждения и приходит к выводу, что Татьяна у Пушкина является выражением *эротической энергии жизни*. Трагедию жизни Татьяны автор видит в самоотверженности женщины, в сдержанности ее витальной силы, подавлении ее самости. О. Хэсти отмечает, что Татьяну можно рассматривать как прообраз многих персонажей русской литературы – от Анны Карениной Л. Толстого до Лары Гишар Б. Пастернака, а литературный образ Татьяны Лариной нашел воплощение в биографиях и творчестве русских поэтесс Каролины Павловой и Марины Цветаевой [1]. Данное исследование продолжает традиции психологической и психоаналитической школы литературоведения.

В своей работе критик создала *женский образ Пушкина* с характерным *деструктивным эросом*, при этом не отождествляя поэта и Татьяну, а лишь проводя параллели в способах постижения окружающего мира.

Разумеется, представленный комментарий к трем книгам не дает полной характеристики образа Пушкина в американском литературоведении. Публикации Висконсинского Центра пушкинистики затрагивают многие проблемы жизни и творчества великого поэта. Анализ этих исследований способствует укреплению межкультурного диалога, позволяет по-новому посмотреть на интерпретацию сочинений А. С. Пушкина, на саму его жизнь.

Литература

1. The Pushkin Handbook / Publications of the Wisconsin Center for Pushkin Studies ; ed.: David M. Bethea. – Madison : University of Wisconsin Press, 2006. – 708 p.
2. Bethea, David M. Realizing Metaphors : Alexander Pushkin and the Life of the Poet / D. M. Bethea. – Madison : Wisconsin Center for Pushkin Studies Series, 1998. – 262 p.
3. Hasty, O. Pushkin's Tatiana / O. Hasty. – Madison : Wisconsin Center for Pushkin Studies Series, 1999. – 298 p.
4. A fresh look at Eugene Onegin's heroine [Electronic resource] / The University of Wisconsin Press, 2014. – Mode of access : <https://uwpress.wisc.edu/books/3161.htm>. – Date of access : 10.11.2018.